

бабу-ягу, а заставляют ее превратиться в кобылицу и служить герою...» (с. 293). Однако указанные эпизоды сюжета «Змееборство на мосту» вполне традиционны для восточно-славянских вариантов данного сюжета, они встречаются в десятках опубликованных русских, белорусских и особенно украинских вариантов, а также известны по западно-славянским и балканским сказкам данного типа. В комментарии к № 21 неверно указано, что в сказке «Иван крестьянский сын» «сюжет „Победитель змея“ повторяется дважды» и что «в сказке переплетается множество мотивов из других сюжетов» (с. 290). Здесь контаминируются только два сюжета — «Три подземных царства» (АТ 301), который является основным, и «Победитель змея» (АТ 300 — он не повторяется). Никаких других, тем более «множества мотивов из других сюжетов», в этой сказке нет. Такого рода неточности имеются и в некоторых других комментариях. Но все это частности, и они связаны с широтой освещения вопросов изучения своеобразия русских сказок Сибири.

Научный аппарат издания кроме комментариев составляют словарь малоупотребительных слов и ряд указателей, облегчающих изучение сказочных текстов.

Выход в свет «Русских народных сказок Сибири о богатырях» — отрадное событие не только для фольклористов и этнографов, но и для всех любителей народного художественного творчества.

Данным сборником не ограничится публикация сказок о богатырях в многотомной сибирской серии сказок. Только что вышла из печати вторая ее книга — «Русские героические сказки Сибири», которая является тематическим продолжением первой. В ней опубликованы 46 героических сказок, относящихся в основном к сюжетным типам «Три царства» (АТ 301) и «Звериное молоко» (АТ 315). Первый том вполне располагает читателей к тому, чтобы с большим интересом ожидать последующих книг серии.

Л. Г. Бараг

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Е. Грозданова. Българската селска община през XV—XVIII век. София: Издателство на Българската Академия на науките, 1979, 207 с.

Выход в свет книги Елены Гроздановой «Болгарская сельская община в XV—XVIII вв.» — значительное событие в исторической науке НРБ. Автор сумела убедительно доказать наличие у болгар сельской общины в тот исторический отрезок времени, в который внутренняя жизнь болгарского села была вообще изучена очень мало. Впервые в болгарской историографии проведено целостное исследование этого социального института, высказан ряд суждений по поводу его места и значения в историко-социологическом процессе, что, как известно, все еще остается предметом дискуссий в мировой науке¹.

Вопрос о сельской общине — один из наименее разработанных в историографии НРБ и почти не имеет традиции исследования в болгарской буржуазной науке, для которой был характерен слабый интерес к социально-экономическим проблемам². В социалистический период эти проблемы, в особенности аграрные отношения, изучены достаточно фундаментально, но производственная и общественная жизнь на уровне микро-структуры общества долгое время не исследовалась специально. Е. Грозданова отмечает «подчеркнутое игнорирование вопроса о болгарской сельской общине... в болгарской историографии» (с. 7). Из приводимого в книге почти исчерпывающего обзора болгарской литературы (с. 8—14) явствует, что инерция начинает преодолеваться в 1970-е годы, о сельской общине все чаще пишут как о само собой разумеющемся факте, появляющиеся работы, раскрывающие отдельные аспекты общинной организации (трудоуую кооперацию, взаимопомощь, самоуправление и др.). Но остаются авторы, придерживающиеся мнения о социальной пассивности крестьянства при феодализме; признающие семейно-родственные связи, но умалчивающие о соседских. Сосуществуют и разные точки зрения на время формирования сельской общины (раннее средневековье или же период национального возрождения, охватывающий вторую половину XVIII в. и три четверти XIX в.) и т. д. Е. Грозданова называет среди главных причин сложившегося положения «неясность вопроса о сущности сельской общины и недопонимание

¹ См., например: Барг М. А. Проблемы социальной истории в освещении современной западной медиивистики. М., 1973, с. 71—110; Зак С. Д. Методологические проблемы развития сельской общины. — В кн.: Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975; Андреев И. Л. К. Маркс о закономерностях развития общины. — Вопросы истории, 1979, № 12.

² См. об этом, например, Тодоров Н. Турската колонизация и демографските промени в българските земи. — В кн.: Етногенезис и културно наследство на българския народ. София, 1971, с. 69.

некоторых основных закономерностей ее развития» (с. 14). Поэтому она сочла полезным начать с анализа вопроса о сельской общине в трудах классиков марксизма, в болгарской марксистской литературе, в работах советских ученых.

Автор поддерживает мнение, что сельская община — органически присущая феодальному обществу корпоративная организация (с. 16). Данное положение, как известно, все еще встречает себе оппонентов, в том числе и среди некоторых ученых марксистского направления, полагающих, что соседская община при феодализме возникает в специфических условиях, не является универсальным институтом и не соотносится с родовой как последующая стадия социального развития³.

Главное внимание Е. Гроздановой сосредоточено на судьбах общины в развитом классовом обществе докапиталистического периода. Свое убеждение в непрерывности общинной традиции у болгар на протяжении этого периода она старается подтвердить сходством ряда общинных форм, выявленных ею по источникам XV—XVIII вв., с соответствующими формами предшествующего и последующего периодов, известными из работ других исследователей. Она не касается, правда, возможных колебаний интенсивности общинного начала в разные периоды феодальной эпохи, но этот еще вообще не ясный вопрос применительно к Болгарии невозможно ставить без поиска дополнительных источников, и он может быть решен только совместными усилиями специалистов по различным периодам ее истории.

Широкая историческая перспектива позволила исследовательнице при осмыслении материала выйти за национальные рамки и соотнести на типологическом уровне болгарскую сельскую общину и османский феодализм, придя к мысли об их принципиальной совместимости (с. 28). Однако Е. Грозданова не игнорирует национальный уровень, напротив, она акцентирует внимание на положении общины угнетенного народа, испытывающей гораздо более тяжелую эксплуатацию, чем это бывает в суверенных государствах. Она показывает, как сельская община объединяла болгарских крестьян в их противостоянии чужеземной власти, раскрывает ту роль, которую община играла в сохранении этнических традиций в условиях национальной дискриминации и ассимиляторских тенденций (с. 6, 195 и др.).

Таковы основные идеи рецензируемой книги.

Исследование построено на комплексном использовании разнородных источников: исторических, правовых, этнографических, литературных, среди которых имеются впервые вводимые в научный оборот. Ввиду того что письменная традиция покоренного народа была почти прервана, сохраняясь лишь в монастырях, Грозданова вынуждена была опираться по преимуществу на османские документы: законодательные акты и их толкования, протоколы шариатских судов, поземельные реестры и пр. Немало информации почерпнуто из мемуаров и дневников европейских путешественников и дипломатов. Из источников отечественного происхождения широко привлекаются этнографические данные (включая обычное право), рассматриваемые ретроспективно. Кажется, впервые в исторической работе используются сборники поучительного содержания — так называемые дамаскины (обычно изучаемые филологами), в которых имеются сведения о социальных противоречиях и быте болгарских крестьян в XVII—XVIII вв.

Широко применяемый Е. Гроздановой метод рассмотрения изучаемых явлений в перспективе их последующего развития при строгом соблюдении принципа историзма дает плодотворные результаты. Думается, этот метод заслуживает серьезного внимания историков, которые в отличие от археологов нередко недооценивают значения более поздних, в частности этнографических данных.

Монография состоит из Введения, четырех глав и Заключения. Во Введении обоснована постановка вопроса, раскрыта проблематика сельской общины в марксистской историографии, дан обзор источников и литературы.

В главе I исследуются экономические основы сельской общины. Внимание сосредоточено на основном средстве производства крестьян — земле. В характере крестьянского землевладения очерчивается целый ряд признаков, присущих докапиталистической стадии отношений собственности, которые впервые так разносторонне представлены на документальном материале Болгарии XV—XVIII вв. Это — принадлежность лица к коллективу, проживающему в данной местности как правообразующий момент в землевладении; неразрывность владения и пользования; давность пользования как аргумент для предъявления владельческих прав и установления преимуществ в них; ограниченность частного землевладения общинным. Раскрывается классическая для соседской общины взаимосвязь владения участком пахотной земли и права на пользование угодьями. Изучается и совокупность всех земельных владений села (*землище*) как известная целостность, объединяющая коллектив, — этот объект выпадает из поля зрения многих исследователей аграрных отношений Болгарии.

Общинное землевладение рассматривается в комплексе аграрной системы Османского государства, которая частично включала в себя общинные нормы, но в других отношениях им противоречила. В основе противоречий лежало лишение общины права свободно распоряжаться землей. Автор иллюстрирует это на конкретном материале. Но

³ См. об этом, например: *Сюмов Ю. С.* Обсуждение теоретических проблем общины (XIV межреспубликанский симпозиум по аграрной истории Восточной Европы). — *Народы Азии и Африки*, 1973, № 6, с. 225—226; *Алаев Л. Б.* Проблема сельской общины в классовых обществах. — *Вопросы истории*, 1977, № 2.

местами она недостаточно последовательна в своем изложении. Так, на с. 28 говорится, что после османского завоевания «болгарская сельская община сохранила прежде всего свои права на сельское землище», а на с. 34 — что «османское государство... не признавало права общин фиксировать их (границы землища.— Л. М.) самостоятельно»; на с. 37—38 приводятся законодательные запреты распашки части пастбищ, которая допускалась обычным правом при условии согласия односельчан, а на с. 38 формулируется предостережение общине права «беспрепятственного пользования пастбищами и лесами». Верно, что сельская община включена в систему феодального общества (с. 28—29, 269), но это не исключает глубоких и закономерных противоречий между подсистемой и системой, субъектами которых выступали антагонистические классы.

Последний раздел главы посвящен разбору случаев нарушения общинных норм землевладения и землепользования со стороны господствующего класса и администрации, а также зажиточной прослойки крестьян. Но едва ли можно согласиться с тем, что «всякое посягательство» на общинную землю, «независимо от того, в чем выразалось нарушение», подрывало ее устои (с. 52). Мы бы не отнесли к этому распашку с общего согласия части необрабатываемых земель, продиктованную экономической необходимостью, что, безусловно, укрепляло общину. Стоило бы вообще смягчить чересчур прямолинейное противопоставление интересов коллектива и частных лиц в сельской общине, учитывая, что ее основу составляет их неразрывное единство. Нарушения этого принципа, пока община существует, относительно, они приводят к ее разрушению только на определенном этапе исторического развития. Претензии одного села на земли другого, на наш взгляд, также не подрывали основ общинного института как такового (ср. с. 48—51), а приводили лишь к перераспределению земельного фонда между селами. Автор права, что это были проявления «общинного эгоизма и межобщинного антагонизма» (с. 51), но ведь замкнутость как раз и присуща этому институту.

В главе II рассматриваются разные срезы структуры сельской общины: подразделение ее на соседские объединения второго порядка (*махалы*), а в случаях разнородного населения — и на этноконфессиональные группы. Расселение первых и вторых частично совпадало. Третий, генетически наиболее древний структурный план общины составляли семейно-родственные связи. Особое место уделяется семье как микрочайке сельской общины.

Сведения о семье болгар XV—XVIII вв. столь скудны, что невозможно с достоверностью определить даже внешние ее параметры — численный и поколенный состав. Е. Грозданова продолжает начатый другими исследователями (Н. Тодоров, Х. Гандев) ⁴ критический анализ податных списков по сбору поголовного налога *джизье*, которые служили почти единственным источником для изучения крестьянской семьи этого периода. Она доказывает, что в податной единице *хане* (буквально двор, домохозяйство) конструировалась не реальная семья, а семья с усредненным составом, к тому же эта фискальная единица по мере изменения принципа налогообложения утрачивала и формальную связь с семьей (с. 61—62) ⁵. Обнаружив в списках также случаи расчленения малой семьи на отдельных налогоплательщиков (*джизье* платили мужчины трудоспособного возраста) ⁶, Е. Грозданова считает логичным допустить возможность расчленения с фиксальными целями и задруг на малые семьи и находит этому некоторые подтверждения в источниках. Она приводит также прямые свидетельства о наличии больших семей, доля которых, правда, не улавливается. Отсюда автор делает два важных вывода: о существовании в болгарском селе XV—XVIII вв. не только малых, как это считалось, но и больших семей и их переходных форм и о неадекватном отражении податными списками семейно-родственной структуры сельской общины (с. 62—64).

На фоне этих результатов досадно, что автор не различает малую семью и брачную пару, входящую в состав большой семьи (с. 59, 62), хотя задруга в целом характеризуется правильно (с. 60).

Особо рассматривает Е. Грозданова социальное расслоение и организацию власти в сельской общине. Они тесно взаимосвязаны. Впервые так подробно раскрывается институт самоуправления в селе XV—XVIII вв. Показана деформация его демократических основ в условиях расслоения крестьян и обременения общины фискально-административными обязанностями. Структура власти строится в соответствии с членением общины на конфессиональные и территориальные группы. Убедительно показана непрерывность общинной традиции с эпохи средневековья через весь период османского господства и вплоть до включения сельского самоуправления в 30-е годы XIX в. в административную систему империи. Автор использует, в частности, такой интереснейший материал, как титулатура членов сельской управы, вскрывая историческую многослойность ее значений.

Глава III посвящена взаимоотношениям болгарской сельской общины и Османского государства. Они строились на использовании последним древнего общинного обычая

⁴ Тодоров Н. За демографското състояние на Балканския полуостров през XV—XVI в.— Годишник на Софийския университет. Философско-исторически факултет, 1959/60, кн. 2, с. 202; Гандев Х. Българската народност през XV век. София, 1972, с. 119—129, 180—187.

⁵ Подробнее см. Грозданова Е. За данъчна единица хане в демографските проучвания.— Исторически преглед, 1972, кн. 3.

⁶ То же отмечает Гандев Х. Указ. раб., с. 120.

круговой поруки, которая превратилась в систему коллективной ответственности за несение феодальных повинностей, за уголовные преступления, за непокорность властям. Материал убедительно опровергает точку зрения, имеющую распространение и в Болгарии, о государственном насаждении общинных порядков. Особенно не вяжется с нею форма включения крестьян в сферу денежно-ростовщических операций, сложившаяся спонтанно на общинной основе: село гарантирует частные займы, выступает при их заключении юридическим лицом, кредиторы не осведомляются о распределении долга между односельчанами (с. 102—112). Автор нашел интересную грань общинной жизни, еще мало привлекающую внимание исследователей.

В главе IV обрисовываются разные стороны внутриобщинной деятельности: организация сельскохозяйственных работ и формы взаимопомощи, строительство общественных объектов (церквей, мостов и пр.), свершение правосудия на основе обычного права, соблюдение народных обычаев, наконец, различные проявления общинной солидарности. Не все стороны внутренней жизни села достаточно полно отражены в источниках XV—XVIII вв., и автор пытается восполнить пробелы с помощью более позднего материала, меру использования которого для реконструкций она в целом выдерживает. Сомнение вызывает лишь, судя по контексту, достаточно широкое распространение *зарёды* — формы взаимопомощи, при которой происходит обмен трудом с учетом его количества, что характерно в основном для деревни предбуржуазного и буржуазного периодов (с. 129—130).

Сферы применения и предпочтения обычного права показываются на материале XVI—XVIII вв. с привлечением собраний юридических обычаев XIX — начала XX в. Рассматривается взаимовлияние обычного и канонического (христианского) права. Любопытны случаи допущения шариатскими судами мер наказания, принятых в народной практике. Нерасчетливость судебной и исполнительной власти, отсутствие у суда старейшин ответственности за неправильно вынесенные приговоры, произвольность выбора мер наказания — все это говорит о недостаточной развитости сельских органов правосудия и их неполном выделении из общинного организма.

Источники XV—XVIII вв. бедны сведениями о народных обычаях. Но Е. Грозданова нашла свой ракурс этой темы: она сосредоточила внимание на роли социальных институтов в сохранении и функционировании народной культуры как компонента этноса, на механизме передачи традиции. Автор считает, в частности, что семья, играя немалую роль в наследовании и передаче этнической культуры, все же одна не смогла бы длительное время выполнять эту роль не будь она включена в более широкий коллектив. Напротив, сельская община доказала эту способность и в самых неблагоприятных обстоятельствах (с. 155—156). Этот вывод весьма важен, так как роль семьи в трансмиссии этнической традиции нередко преувеличивается за счет относительной недооценки соответствующих функций других социальных общностей. Согласно мы и с тем, что социально-профессиональные объединения (ремесленные цехи, артели скотоводов, отходников) уступали в этой функции сельской общине, на которой в конечном счете замыкалась их жизнедеятельность (с. 153—154).

В последнем разделе главы IV рассмотрены проявления общинной солидарности, которая могла превращаться в весомую социальную силу, противостоящую феодальной эксплуатации. Автор справедливо характеризует такую борьбу как антифеодальную (с. 164). Приводимый материал рассказывает и о перерастании общинной солидарности в межобщинную, в сущности в общенародную (пусть пока еще в пределах отдельных областей). Это следовало бы больше оттенить в качестве новой тенденции, подводящей к разрыву национально-освободительной борьбы.

В Заключении сжато и четко сформулированы основные выводы работы. Автор, в частности, указывает, что положительные и отрицательные стороны института сельской общины часто находились в неразрывном единстве. Она считает, что к оценке этого института, функционировавшего при отсутствии у народа собственной государственности и в условиях национальной дискриминации, следует подходить особо. Присущие общине свойства консерватизма и традиционализма имели, по ее мнению, ту положительную сторону, что способствовали сохранению этнической самобытности. Е. Грозданова права, конечно. И все же, думается, следовало бы и здесь не упустить из поля зрения теневые стороны экономической и социально-культурной замкнутости сельских общин угнетенного народа, подчеркнуть его вынужденное лавирование между обычаями взаимопомощи и гостеприимства, утвердившимися в его этике, и вменяемыми ему в «обязанность» доносами на народных мстителей — гайдуков, между чувством солидарности и принуждением выдавать беглых односельчан, скрывающихся от недоимок (с. 119—121). Но в то же время хочется искренне одобрить последние строки книги, исполненные гордости за свой народ, который в столь трудных условиях сумел в конце концов разорвать замкнутость сельских общин, преодолеть консерватизм быта и воззрений и встать на путь социального и национального возрождения и борьбы за независимость.

Высказанные в рецензии замечания ни в коей мере не умаляют значения работы Е. Гроздановой, которая является большим вкладом в изучение одного из важнейших разделов социально-экономической истории болгарского народа.

Л. В. Маркова